

СМЕРШ
спецназ Сталина

ЧЕРНЫЕ ТЕНИ ЛЕНИНГРАДА

Александр
Талочников

Александр Александрович Тамоников

Черные тени Ленинграда

Серия «СМЕРШ – спецназ Сталина»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74132351

Черные тени Ленинграда: Эксмо; Москва; 2026

ISBN 978-5-04-250107-4

Аннотация

Самые интересные романы о сталинском спецназе – СМЕРШе.

При невыясненных обстоятельствах погибает офицер связи штаба Ленинградского фронта. Оперативные документы, которые были при нем, похищены. Выяснить, кто совершил диверсию, поручено группе СМЕРШа майора Ивана Бугрова. Оперативники прибывают в блокадный Ленинград и вскоре выясняют, что в городе действует крупная шпионская сеть. На допросе один из предателей сообщает, что агентурой руководит офицер абвера Эрих Шульц. В настоящее время он готовит серию взрывов на крупных узлах связи, после чего должен тайно отбыть в Германию. В распоряжении майора остаются считанные часы, чтобы предотвратить подрывы стратегических объектов и не дать уйти фашистскому агенту...

«Смерть шпионам!» (СМЕРШ) – это короткое и беспощадное название носило особое подразделение НКВД, подчинявшееся И. Сталину. Созданное в годы войны, оно состояло из

проверенных в бою, честных и бесстрашных офицеров Красной Армии. СМЕРШа боялись все – и фашистские лазутчики, готовящие диверсии в наших боевых порядках, и гитлеровские приспешники, действующие в глубоком советском тылу. Враг знал: если на его след напали бойцы сталинского спецназа, справедливого и скорого суда не избежать.

Романы серии «СМЕРШ – спецназ Сталина» – это каждый раз увлекательный динамичный сюжет и новые исторические знания, это экшен, написанный простым и понятным языком.

Общий тираж книг А. Тамоникова – более 10 миллионов экземпляров!

«Романы А. Тамоникова – о настоящих мужчинах, для которых понятия доблести, чести и долга – не пустой звук». – В. Колычев

Содержание

Пролог	7
Глава 1	15
Глава 2	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Тамоников

Черные тени Ленинграда

© Тамоников А.А., 2025

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

*Александр
Тамоников*

**ЧЕРНЫЕ
ТЕНИ
ЛЕНИНГРАДА**

Москва

Пролог

Мороз, пришедший с Балтики, вымораживал последнюю влагу из камня и дерева. Воздух обжигал легкие при каждом вдохе. В подвалах, в квартирах с забитыми фанерой окнами, в штабных помещениях температура была такая же, как на улице. Под минус двадцать пять. Для многих ослабевших жителей блокадного Ленинграда это был медленный приговор.

Обводный канал между Боровой улицей и товарной станцией превратился в ледяной коридор. Время – поздний вечер, сумерки. Черный лед под ногами сливался с заревом над Колпином на западе в одну сплошную грязно-багровую полосу.

Лейтенант дорожно-патрульной службы Управления Народного комиссариата внутренних дел (УНКВД) Ленинграда Сергей Веретенников шел, увязая по колено в снегу. С ним были два красноармейца из противовоздушной обороны. Шли цепочкой, молча, экономя силы. Снег под валенками хрустел, как разбитое стекло. Издалека доносилось равномерное механическое постукивание метронома.

Вдруг Веретенников замер. Его организм, истощенный скудным пайком, работал на пределе, но выработанное чутье указывало на сбой в привычной окружающей картине. Что-то было не так.

– Стой.

Красноармейцы остановились. Впереди, у мостика через сточную канаву, виднелась темная масса. Не сугроб – форма была слишком правильной, удлиненной. Лейтенант снял «ППШ» с плеча и сделал три шага вперед.

Приблизившись, лейтенант увидел лежащего лицом в снег человека в офицерской шинели. Рядом – фуражка с синим околышем и малиновыми кантами. Связист. В полуметре лежал кожаный портфель, раскрытый и пустой.

Веретенников действовал согласно памятке для патруля.

– Оцепление. – Он кивнул старшему бойцу. – На ту сторону канавы, участок к складам. Ты – ко мне, спиной, смотри на улицу. Никого не подпускать.

– Так точно.

Лейтенант не стал подходить ближе. Его функцией был первичный осмотр места преступления, а затем вызов специалистов и охрана до их прибытия. Он достал из-под тельняшки динамо-фонарь «жучок». Дрожащими от холода пальцами начал крутить ручку. Слабый прерывистый свет выхватил из темноты тело и зияющий пустотой портфель.

– Санин, – бросил он младшему после первичного осмотра. – Беги на пост на Боровой, пятнадцать. Вызывай дежурную смену УНКВД и военную прокуратуру. Труп офицера, убийство. Координаты наши. Быстро.

Боец кивнул и побежал, поскользнувшись на льду, тяжело и хрипло задышав. Пробежка в триста метров для дистро-

фика была пыткой. Веретенников смотрел ему вслед, затем перевел взгляд на снег вокруг тела. Два разных следа. Подошли, несколько минут топтались на месте, ушли. Следы уходящих смазаны, менее глубокие – значит, уходили быстро. Для задержания следы бесполезны, но факт: работали двое. Гильз видно не было.

Он посмотрел на часы. Двадцать двадцать. Они вышли в двадцать ноль-ноль. Предыдущий патруль был здесь в девятнадцать сорок пять. Выстрелов никто не слышал. Значит, ликвидация произошла между девятнадцатую сорока пятью и двадцатую десятую. А это указывало на работу людей, знающих график патрулей.

Он стоял, сжимая в заочевенных пальцах приклад, и ждал. Мороз пробирался сквозь ватник, сводил челюсти. Красноармеец по ту сторону канавы едва слышно постукивал зубами.

Машина УНКВД – черный грузовик с фарами, затемненными синим целлулоидом, – подъехала через пятнадцать минут. Из нее вышли трое. Капитан в форме НКВД – следователь особого отдела с кожаной планшеткой. С ним оперативник с фотоаппаратом на груди и солдат с «ППШ».

Следователь, представившись капитаном Тарасовым, выслушал с мрачным видом доклад Веретенникова, кивнул.

– Оцепление оставить. Вы нужны пока здесь.

Капитан Тарасов надел шерстяные перчатки поверх кожаных, взял фонарь помощника. Он начал с общего: фотосъем-

ка с привязкой к местности, зарисовка схемы в блокноте. Потом подошел к телу. Осмотр был методичным, лишенным суеты. Он зафиксировал позу, описал одежду, не трогая карманов. Потом осторожно, поддерживая за плечо, перевернул труп на спину. Хруст замерзшей ткани прозвучал отчетливо.

– Два входных отверстия. Группировка кучная, стреляли в упор. Одежда не обгорела – глушитель, – бормотал он, диктуя оперативнику факты для протокола.

Осмотр карманов шинели и галифе дал минимум: носовой платок, три гильзы от пистолета «ГТ», обрывок газеты. Ни документов, ни денег. Красноармейской книжки нет.

Затем следователь расстегнул шинель и китель. Осмотрел раны, одежду под ними. И тут его взгляд, привыкший к деталям, наткнулся на внутренний шов шинели на боку. Неровность. Нитка чуть темнее, стежки круче, чем машинная строчка.

– Инструмент.

Оперативник подал ему из чемоданчика не нож, а медицинский скальпель в футляре. Капитан Тарасов при свете фонаря аккуратно поддел шов. Сукно разошлось на пять сантиметров. Внутри, между слоями ткани, блеснул матовый металл.

Он осторожно щипцами извлек плоский алюминиевый контейнер размером со спичечный коробок. Крышка на миниатюрном шарнире.

– Микрофильм. Абверовская упаковка, – констатировал

он без эмоций, голос ровный, как лед.

Не пытаясь открыть контейнер на морозе, он поместил его в небольшой матерчатый мешочек, извлек из планшетки сургучную печать и спичку. Расплавил сургуч над пламенем спички и капнул на завязки мешочка, прижав своим перстнем-печаткой. Улика была опечатана.

– Тело – в морг. Улику – в лабораторию технического отдела. Немедленно, – приказал он оперативнику.

Потом он повернулся к Веретенникову.

– Ваш патруль действовал правильно, лейтенант. Свободны. Документы оформите в дежурной части.

Веретенников отдал честь. Его работа была закончена. Он повел своих бойцов прочь от этого места, оставив профессионалов доделывать свое. Он не знал, что было на пленке. Но вид этого контейнера, казенная точность движений капитана и тот факт, что улику отправляли в лабораторию немедленно, говорили одно: это было что-то очень важное. И очень опасное.

Ленинград, здание УНКВД на Литейном, подвал. Двадцать три сорок.

В бывшей кладовой, превращенной в лабораторию, оборудованную специальной печной системой отопления для обеспечения проведения химических процессов, было очень тесно. На столе под яркой лампой с рефлектором стоял микроскоп. Рядом – проявочные кюветы, пахнущие уксусом и химикатами. Специалист технического отдела, щуп-

лый мужчина в очках с толстыми линзами, завершал работу с пленкой. Она была проявлена, высушена. Теперь он, щурясь, вставил ее в держатель читального аппарата – громоздкого прибора с линзой и матовым стеклом. Включил подсветку.

На экране проступило первое изображение. Крошечное, но под увеличением – четкое. Схема. Условные обозначения долговременных огневых точек, траншей, минных полей. Штабные пометки, знакомые аббревиатуры частей.

Специалист медленно поворачивал ручку, перемещая пленку. Кадр за кадром. Невский пяточок. Синявинские высоты. Артиллерийские позиции. Координаты. Все, вплоть до батальонного уровня. А потом – второй слой. Наложение. Красным – советские планы наступления. Синим – немецкие узлы обороны и расчетные сектора артиллерийского огня, точно как по линейке накрывающие эти планы.

Он откинулся на спинку стула, снял очки, долго тер переносицу костяшками пальцев. Потом снова надел очки и внимательно, уже не как техник, а как чекист, изучил несколько ключевых кадров. Кожа на его лице, и без того бледная, стала серой, как пепел.

Он встал, подошел к стене, где висела оперативная карта Ленинградского фронта. Сравнил контуры. Совпадение было полным. Но на пленке было больше информации. Там были детали, секретность которых не вызывала сомнений.

В горле встал ком, знакомый по тем случаям, когда пони-

маешь масштаб провала. Это была не просто утечка. Это была инструкция по собственному разгрому.

Специалист аккуратно извлек пленку из держателя, упаковал ее в конверт из плотной бумаги. Потом взял со стола лист бумаги, ручку с пером. Его почерк, обычно каллиграфический, стал резким, угловатым, буквы наползали друг на друга.

«РАПОРТ. Начальнику второго отдела УНКВД Ленинградской области. По результатам технической экспертизы вещественного доказательства номер ноль семнадцать дробь Б (микрофильм).

На носителе обнаружены полные оперативные карты участка обороны 67-й армии (район Невский пяточок – Сивьянские высоты) с детализацией до батальонного уровня, включая схемы минных полей и артиллерийских позиций. Материал содержит встречную немецкую разметку, указывающую на полную осведомленность противника о планах нашего наступления.

Вывод: из штаба Ленинградского фронта имела место утечка информации наивысшей степени секретности. Обнаруженные данные представляют собой прямую угрозу срыва операции по прорыву блокады и могут привести к неоправданным потерям личного состава.

Требуются экстренные оперативные мероприятия по выявлению и ликвидации канала утечки».

Он положил перо, запечатал рапорт и пленку в отдельный

пакет, опечатал сургучом. Руки не дрожали.

Где-то в этом вымирающем городе, среди героев и дистрофиков, среди тех, кто еще держался, сидел «крот». Человек, продававший не мешки с мукой на черном рынке, а жизни десятков тысяч солдат. И этот человек, возможно, уже знал, что курьер мертв, а пленка попала не в те руки. Значит, время на поиск уже истекало.

Глава 1

Москва спала тревожным сном военного времени. Черные квадраты окон здания на Лубянке не пропускали наружу ни лучика света. Изредка по пустынным улицам проползали узкие лучи света из щелей фар грузовиков, бросая косые полосы на сугробы и колючие спирали «ежей». Внутри же, в кабинетах второго этажа, работа не прекращалась ни на секунду.

Майор Главного управления контрразведки Смерш Наркомата обороны СССР Иван Бугров поднялся по лестнице, минуя лифт. Его шаги по гранитным ступеням были упругими, точными, беззвучными. Он дышал ровно, воздух от дыхания растворялся в прохладном, пахнущем казенным мылом и старыми бумагами пространстве коридора. Он явно не питался скудным московским пайком этой третьей военной зимы. Сто восемьдесят пять сантиметров роста, около восьмидесяти килограммов мышечной массы, он был поджарый и хорошо натренированный. Он прибыл в столицу с Западного фронта месяц назад. С тех пор находился в резерве, ожидая нового назначения. Ожидание закончилось сегодняшним вызовом в предрассветное время.

Дежурный по этажу, лейтенант с идеально начищенными пуговицами гимнастерки и пустыми, уставшими глазами, встал при его приближении.

– Товарищ майор Бугров?

– Да.

– Вас ждут. Проходите.

Лейтенант открыл тяжелую дверь, обитую потертой черной кожей. Бугров вошел.

Кабинет был нешироким, но с высокими потолками. Воздух пах сукном, крепким табаком «Герцеговина Флор» и слабым, но въедливым запахом карболки – ей протирали полы и телефоны. За массивным письменным столом, покрытым потертым зеленым сукном, сидел человек в форме генерал-лейтенанта НКВД. Это был заместитель Абакумова по линии военной контрразведки генерал Петров. Бугров знал о нем по слухам – «сухарь», «процедурщик», фанатик устава и иерархии. Рядом, у стены с огромной, испещренной пометками картой всего советско-германского фронта, стоял еще один офицер госбезопасности в звании майора – оперативный дежурный ГУКР Смерш. На столе перед генералом лежала раскрытая папка-планшет с грифом «Совершенно секретно. Особая папка».

– Майор Бугров, докладываю о прибытии по вашему приказанию. – Голос Бугрова был низким, без металла и пафоса, но плотным, как утрамбованный снег.

Генерал Петров поднял голову. Его лицо было изрезано глубокими морщинами, глаза под густыми седыми бровями смотрели без выражения.

– Садитесь, товарищ майор.

Бугров сел на стул с жестким, просевшим сиденьем, положил фуражку на колени. Спину держал прямо, руки свободно лежали на портупее. Он не пытался заглянуть в папку. Его задачей сейчас было слушать. И ждать.

– В Ленинграде произошло чрезвычайное происшествие, – начал генерал, не повышая голоса.

Его слова, будто капли ледяной воды, падали четко и ровно.

– Вчера на маршруте следования был ликвидирован курьер штаба Ленинградского фронта капитан Соколов. Офицер связи 67-й армии. Имел при себе портфель с оперативными документами уровня «ОВ» – особой важности.

Генерал сделал паузу, достал из серебряного портсигара папиросу, прикурил от настольной зажигалки с трофейным немецким орлом. Дым потянулся прямой струйкой к высокому потолку.

– Патруль УНКВД Ленинградской области обнаружил тело в двадцать пятнадцать. Портфель – пуст. Документы изъяты. Убийство произведено профессионально, бесшумным оружием, предположительно с прибором бесшумной стрельбы. Гильзы убраны. На месте остались следы двух человек. Ориентировочное время ликвидации – двадцать ноль-ноль – двадцать десять. Работа чистая.

Бугров слушал, не двигаясь. Его мозг, отточенный школой контрразведки и фронтовым опытом, уже автоматически запустил алгоритм наблюдения, ориентации, решения и

действия. Наблюдение: два диверсанта, знают точный маршрут и время. Напали в безлюдном месте – значит, график патрулей известен. Ориентация: цель – документы, а не просто ликвидация курьера. Решение: для такой точности необходим внутренний источник. В штабе фронта или в цепи связи есть «крот», который назвал время и маршрут. Или сам курьер был звеном в цепи, и его устранили за ненадобностью. Пока – рабочие гипотезы.

– Причина моего вызова, товарищ генерал? – спросил Бугров ровно. – Ленинградское УНКВД имеет собственные оперативные и следственные отделы. Особый отдел фронта также на месте.

– Причина, – генерал отодвинул папку, достал оттуда несколько увеличенных фотокопий на глянцевой бумаге, – вот. Снимите перчатку.

Бугров снял шерстяную перчатку с правой руки, взял верхнюю фотографию. Снимок был сделан при искусственном свете, вероятно фонаря. Тело капитана, распластанное на снегу у темной полыньи канала. Пустой кожаный портфель в полуметре. Четкие следы на снегу. Он положил первую, взял вторую. Крупный план следов. Сапоги. Два разных размера, два рисунка подошвы. Он мысленно прикинул масштаб по положенному рядом для масштаба коробку папирос «Беломорканал». Сорок четвертый – сорок пятый и сорок первый – сорок второй. Один крупный, вероятно, физически сильный. Второй – помельче, след аккуратнее.

– Что вы видите, майор? – спросил генерал, наблюдая за ним прищуренными глазами.

– Группа захвата или ликвидации. Два человека. Высокий уровень подготовки. Знание графика патрулей УНКВД говорит либо о длительной предварительной разведке, либо об информации изнутри системы. Бесшумное оружие указывает на спецсредства диверсионных подразделений абвера или «Бранденбурга–800». Цель – документы. Но убийство на месте, вместо простого грабежа и маскировки под несчастный случай, – избыточный риск. Значит, либо курьер мог их опознать, либо он сам являлся целью как носитель информации, а документы – вторичны. Вывод: внутренний источник в штабе или в органах связи обеспечил информацию о маршруте и содержимом. Либо курьер был частью цепи и его ликвидировали после изъятия документов как отработанный материал.

Генерал кивнул один раз. Выражая удовлетворение или просто констатируя факт – было непонятно.

– Анализ верный. Но это, как говорится, цветочки.

Он потянул к себе третью фотографию, положил ее перед Бугровым. Бумага была еще влажной от химикатов, снимок свежим.

– Вот ягодки. Это было передано по фототелеграфу из Ленинграда полчаса назад.

На фотографии была запечатлена маленькая, тщательно изготовленная алюминиевая коробочка, лежащая на ладони

в грубой шерстяной перчатке. Рядом, на бархатной подкладке, лежал крошечный квадратик фотопленки.

– Микрофильм, – констатировал Бугров без эмоций. – Контейнер абверовского образца для скрытого ношения. Где нашли?

– В подкладке шинели убитого, – ответил майор госбезопасности у карты. Его голос был сухим, лишенным интонаций, канцелярским. – Обнаружен при детальном осмотре следователем третьего отдела УНКВД Ленинградской области. В секретном шве, зашит вручную. Убийцы его не обнаружили. Забрали только бумаги из портфеля. Возможно, не знали о его существовании.

В сознании Бугрова будто щелкнул новый, тяжелый замок. Курьер прятал микрофильм. От кого? От тех, кто его убил? Значит, он либо двойной агент, либо понимал, что его могут перехватить, и спрятал главное. Микрофильм ценнее бумаг. Его проще спрятать, труднее найти случайно. Значит, бумаги в портфеле могли быть отвлекающим маневром или дубликатом для передачи по другой, более громоздкой цепи. Либо микрофильм был страховкой на случай провала основной передачи. Сложно. Запутанно.

– Содержание микрофильма? – спросил Бугров.

Генерал Петров взял со стола листок бумаги, зачитал монотонно, но каждое слово било, как молот:

– Полная оперативная карта участка обороны 67-й армии в районе Невского пяточка и Синявинских высот. Схемы ин-

женерных сооружений, минных полей, артиллерийских позиций, командных пунктов вплоть до батальонного уровня. С немецкой расшифровкой и графической накладкой: расчетные сектора артиллерийского и минометного огня противника, точно накрывающие районы сосредоточения наших войск для наступления. По сути, это ключ к разгрому всей операции по прорыву блокады, запланированной на конец января. Если эти данные уже у немцев, то атака превратится в бойню. Если еще нет – то канал утечки работает и они их получают.

В кабинете воцарилась тишина, нарушаемая лишь размеренным, гулким тиканьем настенных часов в деревянном корпусе. Бугров смотрел на фотографию микрофильма. Крошечный, умещающийся под ногтем квадратик пленки, способный утопить в крови и грязи десятки тысяч человек, похоронить последнюю надежду города на спасение.

Генерал затянулся, выпустил струйку дыма.

– Обстановка в Ленинграде катастрофическая, – заговорил он снова, отводя взгляд к карте. – Город на физиологическом пределе. Голод, мороз, ежедневные артобстрелы. Но дух, воля к сопротивлению – держатся. Командующий участком – генерал-лейтенант Максимов – человек волевой, фронтовик, но он армейский командир до мозга костей. Он мыслит категориями полков, дивизий, линий обороны, а не тыловых дрязг и бумажной возни. Его штаб – это сборная солянка из уцелевших кадров, эвакуированных специалистов,

вновь назначенных выпускников училищ. Идеальная среда для «крота». Утечка информации на таком уровне, в таких деталях означает одно: в ближайшем окружении генерала Максимова, а возможно, и в самом ядре штаба действует высокопоставленный источник информации абвера. Вероятно, завербованный или поддавшийся шантажу на почве голода, страха за семью или простого животного страха смерти.

– Задача, товарищ генерал? – Бугров уже знал ответ, но процедура получения задания требовала четкой, однозначной постановки.

Генерал откинулся на спинку кресла, скрипнувшую под его весом. Сложил руки на столе.

– Задача поставлена директивой Ставки и санкционирована Государственным Комитетом Оборона. – Его голос стал еще тише, но от этого только весомее. – Вам и специально подобранной вами оперативной группе присваиваются чрезвычайные полномочия по мандату ГКО за номером 0174/сс. Вы в срочном порядке вылетаете в Ленинград. Формально – как офицерская инспекция ГУКР Смерш по проверке состояния режима секретности и охраны штабов Ленинградского фронта. Эта легенда даст вам законный доступ. Фактически ваша цель – выявить и физически ликвидировать канал утечки информации, обезвредить всю агентурную сеть и захватить или уничтожить ее куратора. Все местные органы – Управление НКВД по Ленинградской области, Особый отдел фронта, территориальные отделы ми-

лиции – обязаны вам содействовать в оперативных мероприятиях. Но – и это критически важно, майор, – вы не должны их подменять.

Генерал пристально посмотрел на Бугрова.

– Ваш мандат ГКО – это не пропуск для самостоятельного ведения следствия или проведения обысков. Это инструмент для снятия административных барьеров и давления в случае саботажа. Ваша сила – в работе через аппарат УНКВД. Вы используете их архив, их технический отдел, их наружное наблюдение, их следователей. Вы – мозг и воля из центра. Они – ваши руки и глаза на месте. Понятно?

– Так точно, – кивнул Бугров.

В этом был смысл. Одиночки, даже с мандатом, в чужом, вымирающем городе – слепы. Система же, даже истощенная, обладает ресурсами.

– В случае сопротивления или прямого саботажа со стороны армейского командования действуете по обстановке, вплоть до отстранения от должности по статьям военного времени, но только через Военный трибунал фронта или по согласованию с Москвой. Не геройствуйте. Ваша задача – получение результата, а не демонстрация власти.

Генерал открыл верхний ящик стола, извлек синий пакет из плотной, шершавой бумаги, запечатанный сургучными печатями с оттиском герба СССР и штампом ГКО.

– Вот ваш мандат. Предъявляется только в случае крайней, безвыходной необходимости и только лицам уровня ко-

мандарма или начальника УНКВД. Копия уже направлена по высокочастотной связи в Ленинград на имя начальника УНКВД.

Бугров взял пакет. Он был неожиданно тяжелым. Внутри, он знал, лежали не просто бланки, а предписания с пустыми строками для фамилий, дающие право на арест, на доступ куда угодно, вплоть до сейфов командующего. Абсолютная власть в условиях осажденного города, которую, как яд, нужно было применять в микродозах и только тогда, когда все остальные средства исчерпаны.

– Противник, – сказал майор у карты, делая шаг вперед. На карте Ленинграда был прикреплен маленький флажок в районе Обводного канала. – По сводкам нашего Управления и данным радиоразведки НКВД, в этом участке активность проявляет группа под кодовым названием «Филин». Куратор – гауптман абвера Эрих Шульц. Бывший офицер кригсмарине¹, переведен в абвер в тридцать девятом. Специалист по организации диверсионных сетей в прифронтовой полосе и вербовке агентуры на базе компрометирующих материалов. Работал в Данциге, затем в оккупированном Париже. С января сорок второго переброшен на Северо-Западное направление. Предполагается, что именно он курирует шпионскую сеть в Ленинграде. Хладнокровен, расчетлив, избегает прямого контакта, предпочитая работать через два-три зве-

---

¹ Кригсмарине (нем. Kriegsmarine – «военно-морской флот») – официальное наименование военно-морских сил нацистской Германии.

на. Ориентировка на него и его известные фотографии уже переданы в Ленинград, но результатов нет. Вероятно, он использует цепочку из нескольких «почтовых ящиков» и явок, никогда не ночует дважды в одном месте.

Генерал Петров протянул Бугрову еще одну фотографию. Немецкое служебное удостоверение, снятое, вероятно, агентом: лицо мужчины лет сорока, узкое, с высоким лбом, тонкими, плотно сжатыми губами и светло-серыми, почти бесцветными глазами, смотрящими прямо в объектив без тени эмоций. Гауптман Эрих Шульц.

– Ваш предполагаемый противник, майор, – сказал генерал, туша папиросу в массивной пепельнице, сделанной из трофейной снарядной гильзы. – Не недооценивайте его. Он не будет лезть на рожон, устраивать стрельбу на улицах. Он будет стараться вас переиграть бюрократически, через своих людей в штабе, через интриги, через усталость и голод ваших же помощников. Ваше тактическое преимущество – мандат и то, что вы приезжий. У вас нет связей в ленинградском гарнизоне, вам нечего терять в местных склоках. Ваша слабость – то же самое. Вы чужой. Вам не доверяют. Вы выглядите сытым среди скелетов. Это будет вашей главной маскировочной проблемой.

Бугров изучал лицо Шульца. Запоминал каждую черту, постановку головы, разрез глаз. Он откладывал образ в памяти, где уже хранились портреты других врагов – фанатичных, жестоких, глупых. Этот был иным. Умным. Хищником-оди-

ночкой, не фанатиком, а холодным профессионалом, для которого война – шахматная доска, а люди – фигуры. Самый опасный тип врага.

– Состав группы, – проговорил генерал. – Кого планируете взять? Ваш старый состав под Вязьмой?

Бугров покачал головой, на долю секунды оторвав взгляд от фотографии.

– Нет, товарищ генерал. Там задачи были иными. Для Ленинграда нужен другой навык. Капитан Гробовой – остается. Снайпер, специалист наружного наблюдения. Умеет ждать, знает, как холод влияет на оптику и механику винтовки. Лейтенант Митьков – тоже. Оперативник, виртуоз внедрения и легенды, мимикрии. Он сможет выглядеть истощенным, слиться с толпой.

Бугров сделал паузу.

– Но вместо радиста-шифровальщика, который был с нами под Вязьмой, мне нужен аналитик-архивист. Капитан Косович. Он не работает с радиоэфиром, он работает с бумагами. Штатные расписания, журналы пропусков, ведомости, карточки учета. Он найдет несоответствие в документообороте там, где другой увидит только кипу бумаг. Для выявления «крота» в штабе он незаменим. Радиоэфир оставим техническому отделу УНКВД на месте.

Генерал Петров одобрительно кивнул. Это было разумно и соответствовало принципу узкой специализации.

– Согласовано. Косович будет выделен. Время на сборы?

– Три часа. Сейчас семь. К десяти ноль-ноль будем на Центральном аэродроме.

– Самолет «Ли-2» будет готов к десяти тридцати. Экипировку получите на аэродроме согласно списку.

Генерал кивнул дежурному майору. Тот открыл свою папку, извлек лист бумаги, протянул Бугрову.

Список снаряжения. Бугров пробежал глазами, сверяя с внутренним списком проверки. Личное оружие: пистолет «ТТ» образца 1933 года (две штуки с четырьмя запасными обоймами на каждый), бесшумный комплект «Брамит» для револьвера наган вместе с револьвером (один комплект). Автоматическое оружие: пистолеты-пулеметы «ППС-42» (по одному на члена группы, четыре штуки), патроны калибра 7.62 на 25 миллиметров «ТТ» (по шесть дисковых магазинов на ствол плюс две коробки россыпью). Спецсредства: полевые бинокли Б-6 (три штуки), компас, карты Ленинграда и окрестностей масштаба 1:25 000, комплекты для вскрытия замков, фотоаппарат «ФЭД» с двумя кассетами пленки. Экипировка: белые маскхалаты, валенки с резиновыми галошами, меховые безрукавки, шерстяные подшлемники, сменное белье, индивидуальные перевязочные пакеты. Провизия: сухие пайки на трое суток (гороховый концентрат, галеты, сало шпик, плитка прессованного чая, соль). Документы: удостоверения Смерш установленного образца, командировочные предписания с печатями, легенды для Митькова (две на выбор).

– Вопросы по снаряжению? – спросил генерал.

– Нет. – Бугров сложил лист вдвое, убрал во внутренний карман гимнастерки.

– Все стандартно. Добавлю только: для Гробового потребуется специальная зимняя смазка для его снайперской винтовки. В Ленинграде с этим делом, полагаю, туго. И для установления контакта с техническим отделом УНКВД Ленинградской области – небольшой пакет с дефицитными радиодетальями или инструментом. Для налаживания личных отношений.

– Будет обеспечено, – кивнул дежурный, делая пометку в блокноте. – Смазка ВС-«холод» и набор отверток, паяльник, катушка припоя.

Генерал Петров снова посмотрел на Бугрова, и его взгляд, всегда жесткий, стал на мгновение почти человеческим, усталым и тяжелым.

– Майор, вы понимаете меру ответственности? Провал этой операции равен стратегическому поражению на этом участке фронта. Если Шульц успеет передать или уже передал эти данные, наступление на Синявичи превратится в организованную бойню. Десятки тысяч жизней. Возможно, последний запас прочности и воли у города. Вам предстоит работать в условиях, где сама среда – голод, холод, смерть – является союзником врага. Где доверять нельзя никому априори. Даже тем, кто носит наши погоны. Голод – мощнейший инструмент вербовки и разложения. Абверовская разведка

это знает и использует.

– Понимаю, товарищ генерал.

– Есть еще один нюанс. – Генерал понизил голос, хотя в кабинете, кроме них троих, никого не было. – Генерал Максимов. Он боевой, заслуженный командир. Но он классово, всей душой не приемлет «особистов» и «тыловых крыс», как он выражается. Особенно присланных из центра. Он может воспринять ваше присутствие как личное оскорбление, как недоверие к нему лично. Будет чинить препятствия, формальные и не очень. Ваша задача – не вступать в открытый, публичный конфликт, если это напрямую не угрожает срыву операции. Но и не поддаваться, не отступить. Вы – полномочный представитель Ставки. Действуйте соответственно, но с умом. Давление, где можно, лучше оказывать через аппарат УНКВД, а не лично.

Бугров кивнул. Он сталкивался с такими командирами. Гордецы, привыкшие к безраздельному контролю над своими войсками, считающие свой участок фронта своей вотчиной. Они ненавидят, когда кто-то, особенно из контрразведки, копается в их тылу, задает вопросы их людям. Это осложняло задачу, но не делало ее невыполнимой. Просто нужно было быть готовым к тому, что враг будет не только перед тобой в лице Шульца, но и сбоку в форме советского генерала, и бороться с ним придется не пулями, а установленными для таких случаев процедурами и терпением.

– Разрешите идти собираться и готовиться к выдвижению

на аэродром, товарищ генерал? – спросил Бугров, поднимаясь.

Генерал Петров тоже встал. Он обогнул стол, подошел вплотную. Его рост был ниже бугровского, но энергия, исходившая от этой сухой, подтянутой фигуры, была плотной, давящей.

– Иван Сергеевич, – сказал он неофициально, впервые за весь разговор опуская титул. – Ленинград – это не просто город на карте. Это символ. Если он падет физически или – что сейчас страшнее – морально из-за предательства изнутри, удар по духу страны будет страшнее любых военных потерь. Найдите эту гниду. Выжгите это гнездо каленым железом. Не дайте им опозорить нас. Ни перед историей, ни перед теми, кто там, в кольце, еще держится.

Бугров встретил его взгляд. Никаких лишних слов, никаких патриотических тирад. Просто констатация факта и приказ, данный человеку человеком, а не генералом майору.

– Служу Советскому Союзу, товарищ генерал.

Он приложил руку к фуражке, развернулся на месте и вышел из кабинета. Дверь закрылась за ним с тихим щелчком.

В полутемном, высоком коридоре Бугров на секунду остановился, давая глазам привыкнуть к тусклому свету матовых плафонов. Он сунул запечатанный синий пакет глубоко во внутренний карман шинели, застегнул крючок, потом поверх – пуговицу. Затем поправил португепю, ощутив под мышкой знакомый уютный холод кобуры «ТТ» и жесткий

край запасного магазина. Мысли теперь работали с удвоенной скоростью, но четко, без суеты, выстраиваясь в знакомую схему.

Наблюдение: задача получена, противник идентифицирован, обстановка понятна в общих чертах. Ориентация: главная угроза – шпион в штабе Максимова. «Гнида», движимая голодом, страхом или шантажом. Вторичная цель – сеть «Филин» и сам Шульц. Решение: по прибытии первым делом – явка к руководству УНКВД Ленинградской области, установление рабочих контактов. Затем – через них: Косович получает доступ к архивам штаба фронта и УНКВД, изучает состав, перемещения, документооборот. Особое внимание – интендантская служба и адъютанты. Они ближе всего к соблазнам и слухам. Далее – Гробовой начинает выявление возможных точек наблюдения за зданием штаба и прилегающими улицами, изучает графики патрулей. В это время Митьков готовит легенду для внедрения на складские или хозяйственные объекты, связанные со штабным снабжением. Но в первую очередь лично – встреча с генералом Максимовым для формального представления и первичной, поверхностной оценки его окружения. Действие: сбор группы, вылет.

Он спустился по лестнице, вышел на улицу через служебный выход в арке. Резкий, колючий московский мороз ударил в лицо после спертого табачного воздуха кабинета. Москва встречала серое зимнее утро. Где-то вдалеке, за ре-

кой, гудел, не умолкая, оборонный завод, по пустынной улице Кирова проехала полуторка, груженная ящиками.

Бугров достал из кармана портсигар, прикурил самокрутку из махорки. Дым был едким и горьким. Он посмотрел на северо-запад, туда, где за сотни километров, за линией фронта, за кольцом болот и укреплений лежал город, зажатый в стальное кольцо. Город, где сейчас было холодно не от мороза, а от того ледяного, беспросветного страха, что пробирается сквозь трещины в человеческой воле и совести, превращая людей либо в героев, либо в предателей. И его задача была найти тех, кто уже перешел эту черту, пока они не утянули за собой в пропасть всех остальных.

Он бросил окурок в сугроб, раздавил его каблуком валенка, оставив черное пятно на белизне. Пора начинать исправлять то, что уже сломалось. Он зашагал быстрым, энергичным шагом к штабной «эмке», что ждала его у тротуара, чернея на фоне снега.

Водитель, увидев его, бросил окурок и полез заводить мотор.

Глава 2

Два звездообразных мотора выли на пределе, но их голос был не гулом богатыря, а тонким, надрывным писком огромного комара. Пять цилиндров, девяносто лошадиных сил. Вся эта хрупкая конструкция из фанеры и полотна – би-план «У-2» – трещала по всем швам, бросаема порывами ветра над Ладогой.

Летели ниже облаков, ниже разумного. Почти касаясь лыжами сугробов на торосах. На такой высоте их не засечет радар, не достанет зенитка. Зато достанет шальная очередь с вражеского истребителя, если он вынырнет из облаков. Но на большом транспортном самолете шансов долететь не было бы вовсе. Здесь шанс призрачный, но был.

В тесной, открытой всем ветрам кабине, куда Бугрова втиснули за спиной пилота, стоял не запах горючего, а едкая ледяная смесь выхлопа касторового масла и выдыхаемого пара. Воздух не вибрировал – он бил в лицо ледяными иглами сквозь щели в защитном стекле. Пол из фанеры гнулся и дрожал под ногами.

Бугров сидел, вцепившись в рамку кабины, расстегнув плечевые ремни парашюта, но оставив пристегнутым поясной. Спина не просто ныла – ее ломило от неудобной позы и постоянной тряски. Он смотрел не на белую пустыню льда внизу, где копошились точки грузовиков, а через плечо пи-

лота – вперед, на приближающуюся в предрассветной мгле полосу города. И мысленно сверял состояние своих людей в задней, еще более открытой кабине.

Там, привязанные к сиденьям ремнями и закутанные одеялами, сидели трое. Гробовой, засунувший свои длинные пальцы глубоко в рукавицы, пряча от мороза. Под капюшоном его глаза были прищурены, а веки подрагивали – он не спал, а считал удары сердца, привыкая к этому новому зыбкому ритму. Косович, прижавший к груди планшет, уставившийся в спинку сиденья Бугрова, его лицо под меховой маской было зеленоватым. Митьков, сидевший с краю, он выглядел хуже всех – его пробивала настоящая, физическая дрожь, и он боролся с ней, сознательно напрягая и расслабляя мышцы лица под шлемом.

Самолет резко, будто споткнувшись, пошел на снижение. Не плавно, а серией коротких пугающих падений и подбросов. Пилот, чье лицо Бугров видел иной раз только в профиль – молодое, обветренное, с заиндевевшими ресницами, – рванул рычаг газа и что-то рывкнул в шлемофон, но слова потонули в вое ветра.

– Держись! Садимся на пузо! – крикнул он, обернувшись на секунду.

Бугров прочел по его губам больше, чем услышал.

Впереди не было полосы. Было заснеженное, ухабистое поле у Ржевского полигона, изрытое воронками и отмеченное воткнутыми в снег вешками. «У-2», жалобно взвизгнув

расчалками, плюхнулся на лыжи в сугроб, подняв белую тучу. Его бросило в сторону, он проскрежетал по ледяной кочке, подпрыгнул и наконец, замедляя движение, пополз по неровному насту.

И в этот момент с юго-запада, со стороны Пулковских высот, донесся тонкий нарастающий свист.

Пилот не дал газа. Он рванул ручку, заставляя самолет развернуться на месте, сбивая снежную пыль винтом. Фанерная птица завертелась, скрипя, и замерла в тени груды кирпича от разбитого ангара.

– Вылезай быстро! – заорал пилот, уже отстегиваясь.

Бугров рванул пряжку своего ремня. Его пальцы онемели, но сработали. Он ударил плечом в фанерную створку кабины, та с треском открылась. Не успел выпрыгнуть – сверху с воем врезался и разорвался в сотне метров первый снаряд. Грохот ударил по обшивке, самолет качнуло. Секунду спустя – второй разрыв, ближе. Методичный, беспощадный огонь.

– Пошли! За мной! К кирпичам! – скомандовал Бугров.

Он вывалился в сугроб, провалился по колено, выкарабкался. Глаза за долю секунды зафиксировали: поле, воронки слева, полуразрушенное здание прямо, бегущие к ним фигуры.

Гробовой, Косович и Митьков высыпали за ним, спотыкаясь и пригибаясь. Гробовой одной рукой волок свой длинный, узкий футляр. К ним уже бежал, переваливаясь по су-

гробам, майор в синей фуражке.

Они нырнули за обратный скат кирпичной груды. Сверху с воем пронесся и разорвался третий снаряд – уже дальше, на краю поля.

В ушах у Бугрова стоял звон. Тело все еще было сжато в ожидании нового удара. Он перевел дух, почувствовав во рту вкус гари и снега.

– Подъем, – негромко произнес он в наступившей тишине.

Его люди поднялись, отряхиваясь, образовав вокруг него неброский периметр. Гробовой окинул взглядом крыши и верхние этажи.

– Майор Бугров? – крикнул, запыхавшись, подбежавший офицер.

Лицо его было обветрено, глаза ввалились, но горели жестким огнем.

– Батарея калибра сто пятьдесят, из Стрельны. Бьют для остратки. Считайте, что вас встретили. Я майор Семенов, охрана аэроузла. Вас ждут.

Бугров кивнул, бросив взгляд на своих. Все были целы. Гробовой молча приоткрыл футляр и кивнул: винтовка в порядке. Пилот их «У-2» уже начал с помощью механика заталкивать самолет за угол развалин, под маскировочную сеть.

Машина, к которой они подошли, была старой «эмкой». Трое втиснулись на заднее сиденье. Майор Семенов сел за

руль, Бугров – рядом.

– Благодарите небеса, что вас не на «Ли-2» привезли, – хрипло сказал Семенов, заводя мотор. – Эту птицу они почти никогда не сбивают. Шум мотора немецкие посты за линией фронта принимают за свой связной самолет. А по большому самолету... по большому самолету они бьют. Как по мишени в тире.

Машина рванула с места. Звук мотора стал гулким на безлюдных улицах. Бугров смотрел в щель между брезентовых шторок. Заснеженные улицы, слепые окна, редкие прохожие, плывущие, как тени. Санки с длинными свертками. И везде – тишина. Только ветер да скрип полозьев.

Он чувствовал ломоту в костях от тряской посадки и понимал главное: обратной дороги на этом самолете не будет. Маленький биплан – такси в один конец. Обратное придется искать другой путь. Через лед. Через линию фронта.

– Как обстановка с диверсантами? – спросил он, не отрывая взгляда от улицы.

– Активность высокая, товарищ майор, – ответил Семенов. – Но те, что на уровне штаба... призраки. Как будто их кто-то предупреждает.

Бугров кивнул самому себе. Значит, об их приезде тоже могло быть известно. Каждый шаг с этого момента – на минном поле.

Машина свернула в арку и во двор огромного мрачного здания на Литейном, 4. Двор был пуст и занесен снегом,

только у черного подъезда стоял, переминаясь с ноги на ногу, часовой в огромном тулупе.

– Здесь вам выделили комнату, – сказал Семенов. – Комendant – капитан Орлов.

Комната на первом этаже оказалась почти пустой. Голые стены с осыпающейся штукатуркой, выбитое окно, заделанное фанерой и ватным одеялом, грубо сколоченный стол, две лавки и чугунная, непротопленная печка-буржуйка. Температура была не намного выше, чем на улице. На столе при свете коптилки аккуратно лежали ящики и свертки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.